

ПУШКИНСКИЙ УГОЛОК

МУЗЕЙНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ
ИЗДАНИЕ

Выходит с июня 2012 года. № 4 (15). Декабрь 2015

В. М. ЗВОНЦОВ. УСАДЬБА ПУШКИНА В МИХАЙЛОВСКОМ. 1968. ИЗ ФОНДОВ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

* * *

Уж вижу в сумрачной дали
Мой тесный домик, рощи темны,
Калитку, садик, ближний пруд,
И снова я, философ скромный,

Укрылся в милый мне приют
И, мир забыв и им забвенный,
Покой души вкушаю вновь...

Александр Пушкин
Послание к Юдину. Отрывок. 1815

Дорогие коллеги! Вот и подошел к своему завершению 2015 год, и у нас с Вами существует музейный календарь будущего 2016 года. Он достаточно обширен, разнообразны темы и задачи, которые решаются в рамках каждого мероприятия. Общая же направленность деятельности музея, генеральная линия, объединяющая все события – пушкинская. Не отстать от пушкинского века, не утратить чувство живой связи времен, сохранить и принять лучшее, что веками создавалось великой русской культурой, принять это и стать носителями великого классического наследия. Пушкинский Заповедник – место особенное. В самом высоком смысле классической традиции оно подобно античной аристотелевой Академии, университетам под открытым небом. Не случайно Александр Сергеевич Пушкин назвал сельцо Михайловское своим «рабочим кабинетом». Двери этого кабинета открыты для каждого. И, может быть, потому нам, работающим здесь, хотелось бы, чтобы поколение за поколением могли приезжать сюда – в место, которое всегда будет гармоничным и красивым.

ФОТО Г. Н. ВАСИЛЕВИЧА

ДЕКАБРЬСКИЙ ТЕПЛЫЙ ДЕНЬ

С благодарностью коллегам и соратникам
по будням теплого декабря 2015

Декабрь без снега темен, хотя и согрет ветрами.
Оттепель. Зримо видишь: штрихует день мелкий дождь.
Туман лижет снег, и свет во днях растворен тенями.
Пейзаж – белый пар, в котором дороги не разберешь.

Декабрь, его недели, – всего и вся ускоренье.
Минуты бегут быстрее, их просто не удержать,
не до того, – заботы. Встречаешь как откровенье –
затишье, молчанье – в пору мир заново открывать.

Осмотришься – парк и речка, глядящие из тумана
в глаза тебе, окликают твою суету и грусть;
и мелочность мыслей, полных обыденности обмана;
и примитивность истин, затверженных наизусть.

Декабрь бесснежный, будто привет, прилетевший с юга,
как пушкинских строк о море легкая птичья тень.
Когда все укроет снегом, когда закружится вьюга,
вдруг вспомнится этот краткий, декабрьский, теплый день.

Георгий Василевич,
директор Пушкинского Заповедника

АРХИВНАЯ РАБОТА В МУЗЕЕ

Исследования сотрудников Пушкинского Заповедника касаются практически всего комплекса научных знаний, необходимых для осуществления уставной деятельности музея. Это и изучение жизни и творчества поэта, история его семьи и окружения, история самого Заповедника, проводимых им мероприятий и связанных с ним событий, работавших в нем людей, его друзей, дарителей, современников, оказывавших внимание музею. Активное комплектование фондов научного архива музея-заповедника позволяет вести плодотворную исследовательскую и практическую работу по многим направлениям научной деятельности Заповедника. Помимо того, что музей обладает целым комплексом самых разнообразных исследований по своей истории, опубликованных как в виде монографий сотрудников, так и в многочисленных статьях, в том числе в сборниках «Михайловская пушкиниана», недавно вышедшая в свет книга Д. Тимошенко по истории Заповедника в 1934 - 1941 гг. свидетельствует о практически неисчерпаемых возможностях столичных и провинциальных архивов в деле восстановления полной истории музея. Только перечень архивов, фонды которых были обследованы автором книги, составляет несколько десятков названий. Тем не менее, еще много остается неисследованных и нерешенных вопросов, в частности, по истории Пушкинского Заповедника, в том числе до 1934 г., так же как и собственно история сельца Михайловского в 1837 - 1899 гг. Несмотря на наличие воспоминаний В. В. Тимофеевой (Починковской), много вопросов остается и в истории Михайловского в 1899 - 1921 гг., да и сами воспоминания В. В. Тимофеевой давно нуждаются в скорейшем введении в научный оборот. Предпринятая в последние два года попытка розыскать новые материалы по музейной истории позволила выявить содержательные документы, связанные с образованием в Михайловском в 1922 - 1925 гг. госзаповедника «Пушкинский уголок», в том числе переписку с учреждениями по кадровым вопросам, биографии первых заведующих госзаповедником, отчеты о хозяйственной деятельности, документы об образовании экскурсионной станции и создании пушкинского музея, приеме посетителей пушкинских мест, отводе земель и многое другое. Сами эти документы в количестве не менее 400 архивных листов находятся уже в научном архиве музея, а на их основе сотрудниками Заповедника сделаны доклады на научно-практической конференции в ноябре 2014 г. По содержанию этих докладов подготовлены публикации в «Михайловской пушкиниане», которые помогут восстановить историю музея в самые трудные годы его существования. Однако поиск новых документов «Пушкинского уголка», рассказывавших бы о его истории в 1925 - 1933 гг., оказался практически бесплоден, поскольку в фондах Главнауки Наркомпроса РСФСР содержательных документов заповедника за этот период не выявлено. Во многом это объясняется тем, что, видимо, именно в 1925 г. Пушкинский заповедник сменил свою организационную принадлежность, и вышел из состава учреждений, подведомственных Главнауке. Архивный поиск, который бы позволил восстановить историю музея, необходимо теперь вести на широком фронте отечественных архивов: московских (ГА РФ, РГАЛИ) и петербургских (РГИА, АРАН СПб, ОР ИРЛИ, ЦГА СПб). Перспективы такой работы обнадеживают, а сама работа, к которой причастны многие сотрудники Пушкинского Заповедника, станет не просто плодотворной, но и творческой и созидательной.

К. Б. Жучков,
ученый секретарь

К 115-Й ГОДОВЩИНЕ ОТКРЫТИЯ ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

БРОНЗОВЫЙ ПОЭТ

На синем куполе белеют облака,
И четко ввысь ушли кудрявые вершины,
Но пыль уж светится, а тени стали длинны,
И к сердцу призраки плывут издалека.

Не знаю, повесть ли была так коротка,
Иль я не дочитал последней половины?..
На бледном куполе погасли облака,
И ночь уже идет сквозь черные вершины...

И стали - и скамья и человек на ней
В недвижимом сумраке тяжеле и страшней.
Не шевелись – сейчас гвоздики засверкают,

Воздушные кусты сольются и растают,
И бронзовый поэт, стряхнув дремоты гнет,
С подставки на траву росистую прыгнет.

1900-е

Иннокентий Анненский

ИЗ ЦИКЛА «В ЗИМНЕМ ПАРКЕ»

4

Сквозь падающий снег над будкой с инвалидом
Согнул бессмертный лук чугунный Кифаред.
О, Царское Село, великолепный бред,
Который некогда был ведом аонидам!

Рожденный в сих садах, я древних тайн не выдам.
(Умолкнул голос муз, и Анненского нет...)
Я только и могу, как строгий тот поэт,
На звезды посмотреть и «все простить обидам».

Воспоминаньями и рифмами томим,
Над круглым озером метется лунный дым,
В лиловых сумерках уже сквозит аллея,

И вьюга шепчет мне сквозь легкий лыжный свист,
О чем задумался, отбросив Апулея,
На бронзовой скамье кудрявый лицеист.

Декабрь 1921

Всеволод Рождественский

ПАМЯТНИК ПУШКИНУ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ
ФОТО И. Ю. ПАРЧЕВСКОЙ

ИЗ ЦИКЛА «ГОРОДУ ПУШКИНА»

И царкосельские хранительные сени...
Пушкин

2

Этой ивы листья в девятнадцатом веке увяли,
Чтобы в строчке стиха серебриться свежее стократ.
Одичалые розы пурпурным шиповником стали,
А лицейские гимны все так же заздранно звучат.
Полстолетья прошло... Щедро взыскана дивной судьбою,
Я в беспамятстве дней забывала течение годов.—
И туда не вернусь! Но возьму и за Лету с собою
Очертанья живые моих царкосельских садов.

1957

Анна Ахматова

***

Нас всех по пальцам перечеть,
но по перстам! Друзья, откуда
мне выпала такая честь
быть среди вас? Но долго ль буду?

На всякий случай будь здоров
любой из вас! На всякий случай,
из перепавших мне даров,
друзья мои, вы – наилучший!
Прощайте, милые. Своя
на все печаль во мне. Вечерний
сижусь один. Не с вами я.
Дай Бог вам длинных виночерпий!

1969

Леонид Аронзон

ИРАКЛИЙ АНДРОНИКОВ В ПУШКИНСКОМ ЗАПОВЕДНИКЕ

Ираклий Луарсабович Андроников – писатель, литературовед, мастер устного рассказа, заслуженный деятель искусств РСФСР, доктор филологических наук. Для тысяч людей, особенно жителей Пушкиногорья, И. Л. Андроников стал одним из вдохновителей и создателей старейшей традиции нынешнего Пушкинского Заповедника – Пушкинского праздника поэзии. В этом году исполнилось 25 лет со дня смерти И. Л. Андроникова, а в будущем году мы в 50-й раз соберемся на Празднике поэзии.

Традиция эта, возникшая еще до революции, с появлением первого музея А. С. Пушкина, развивалась в советские годы, окрепла в послевоенное время, начиная с 1945 – 1949 годов. Растущий интерес к мемориальным местам, к празднику в Михайловском, зародил мысль сделать его общесоюзным, всенародным. С инициативой его проведения выступили Союз писателей СССР и псковские областные руководящие органы, широкая советская общественность. При Союзе писателей СССР был создан постоянный оргкомитет, его и возглавил Ираклий Луарсабович Андроников. С 1967 года народный праздник в Михайловском стал Всесоюзным Пушкинским праздником поэзии. В собрании Пушкинского Заповедника хранятся документальные свидетельства – фотографии, фрагменты кинохроники, периодические издания. Они могут рассказать, как все начиналось.

Осуществить задуманное было не так просто. Необходим был человек, умеющий не просто организовать большое мероприятие, но сделать его постоянным, народным, значимым, истинно праздничным. Выбор Ираклия Луарсабовича на должность председателя оргкомитета стал счастливым. И, как говорил директор Пушкинского Заповедника С. С. Гейченко, Андроников «умел призвать», объединить многочисленных гостей праздника на поэтической поляне.

Несмотря на основательную подготовку к празднику Андроников очень переживал – каким он будет, этот первый поэтический форум. О своем чувстве волнения, ожидания, восхищения он оставил запись в Книге почетных гостей Пушкинского Заповедника: «Суббота. Шесть часов вечера. В первый раз вижу эти места тихие – не слышно голосов, по-прежнему извивается и путается в прибрежных травах и сверкает под солнцем Сороть, словно расплавленная. Тихо в домике. Ни разу не чувствовался здесь с такой силой ход времени, и постоянство времени, и Пушкин, каким он остался жив в этих, возвышенных его идолом лугах и аллеях...»

В том, что этот праздник действительно стал праздником Поэзии, немалая заслуга Ираклия Андроникова. Его талант рассказчика, артистичность, искренняя любовь к поэзии Пушкина, к земле, где он творил и нашел последний приют, вызывали такой же искренний отклик у всех, кто его слышал:

«Что привело нас сюда, на этот еще небывалый праздник – Всесоюзный праздник поэзии на Псковской земле? Любовь к Пушкину! Любовь вечная и всегда новая. Любовь благодарная и нежная, возвышенная и необыкновенно простая в своем бесконечно естественном ощущении Пушкина как живого, знакомого нашего человека и величайшего из поэтов, недостижимо совершенного в своем творчестве, и поэта глубоко современного, способного и сегодня ответить на тысячи наших душевных вопросов».

И. Л. АНДРОНИКОВ В МИХАЙЛОВСКОМ. 1975. ФОТО В. С. БОЗЫРЕВА

Долгие годы проведение Всесоюзных Пушкинских праздников поэзии будет связано с именем Андроникова. Он будет не только его организатором, но и вдохновителем, режиссером, руководителем делегаций литераторов, приезжавших со всех уголков мира, бессменным ведущим, покорявшим искренностью, артистичностью, умением преображаться, создавая яркий образ того, о чем и о ком говорит.

Участие Андроникова в судьбе Пушкинского Заповедника было отмечено не только директором музея Семеном Степановичем Гейченко, но и всеми пушкиногорцами: «Исполком Пушкиногорского поселкового Совета депутатов трудящихся за многолетний труд по пропаганде наследия великого русского поэта А. С. Пушкина, организацию и проведение Всесоюзного пушкинского праздника поэзии присвоил лауреату Ленинской премии Андроникову Ираклию Луарсабовичу и Герою Социалистического Труда Дудину Михаилу Александровичу звание: "Почетный гражданин Пушкинских Гор"». Это случилось в 1977 году.

Голос одного из основателей важного события в истории и судьбе Пушкинского Заповедника по-прежнему звучит актуально: «Переступая границу Заповедника, мы вступаем в особый мир, где каждый миг своей жизни и каждый шаг исполнены высокого значения. Тут вспоминаешь Пушкина, хотя живым его никогда не видал – здесь он жив! Он реален. Мы предвидим его появление и уходим в убеждении, что слышим его голос. Сколько раз ни приезжаешь сюда – глядишь на эту природу, на этот скромный уют, и новым смыслом оживляются давно знакомые строки, слушаешь рассказы Семена Степановича, его учеников и помощников и, словно повернулись стрелки веков, - возвращается ушедшее время. Оно сопрягается с будущим временем, и с твоим, и знаешь, веришь, что Заповедник будет жить своею великою жизнью для потомков, для поэзии, для России, для Мира! Всегда!».

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МИХАЙЛОВСКОЕ

«Михайловское неисчерпаемо, а Пушкинская тема – она как мир бесконечна и безгранична. Только была бы у художника настоящая душа, хорошая оптика, большое хотенье и духовная простота»

(С. С. Гейченко - В. М. Звонцову, 8 марта 1959 года)

Послевоенный период жизни музея стал поистине «золотым веком» «пейзажной школы Михайловского». Имя поэта, желание соприкоснуться с миром пушкинской усадьбы, с растворенными в воздухе пушкинскими строками, стремление «следовать за мыслями великого человека», обрести новые темы и мотивы, погрузиться в работу на пленэре, открыть в своей палитре новые краски влекли в «деревню на Парнасе» не одно поколение художников.

Спустя десятилетия в Михайловское возвращается одно из созданных здесь произведений. Желание передать в фонды пушкинского музея картину «Михайловское. Вид на Сороть» авторства А. Н. Самохвалова принадлежит нынешним владельцам – Якову Аркадьевичу и Михаилу Аркадьевичу Гординым, известным петербургским литераторам и издателям.

Камерная пейзажная работа представляет вид на долину реки Сороть с Савкиной горки. Эту работу исполнен с натуры маслом на холсте, закрепленном на листе фанеры размером 29х38 см. Колорит картины построен на сочетании голубовато-зеленых, синих тонов и соотносится с цветовой гаммой летних картин А. Н. Самохвалова. Дальний план с высокой линией горизонта усиливает панорамность пейзажа, придает ему пространственную глубину.

Александр Николаевич Самохвалов (1894 – 1971) – признанный мастер живописи, вошедший в историю русского искусства XX века. Эту работу подарен лично художником писателю, литературоведу, исследователю жизни и творчества Пушкина в Псковском крае Аркадию Моисеевичу Гордину и на протяжении всех последующих лет хранился в семье – висел над рабочим столом его жены, писательницы М. Я. Басиной. Данный безупречный прованс придает работе особую, музейную и мемориальную, ценность для Пушкинского Заповедника, с историей которого А. М. Гордин неразрывно связан еще с довоенной поры. В 1945 – 1949 гг. он работал в Заповеднике заместителем директора по науке; в частности, им разработан тематический план экспозиции в восстановленном Доме поэта, составлен путеводитель «Пушкинский заповедник».

Живописное произведение не датировано художником. Но в фотонегативе и документальном фонде Пушкинского Заповедника имеется ряд фотографий и негативов, датированных 1955 годом, изображающих А. Н. Самохвалова за работой на пленэре в окрестностях Михайловского... На одном из негативов художник запечатлен за работой на Савкиной горке на фоне Сороти. Пейзажный мотив на живописном произведении и вид на фотоотпечатке с негатива, идентичны.

В 1955 году Самохвалов посетил пушкинские места вместе с известным живописцем Василием Васильевичем Мешковым (1893– 1963). Надо полагать, приезд в Михайловское был, в том числе, связан с работой над циклом иллюстраций к пушкинскому роману в стихах «Евгений Онегин». Из биографии Самохвалова известно, что «в 1950-х гг. он создает серию портретов жены, пишет картину "В филармонии", пейзажи, среди которых особой личностью отличается небольшая холст "Аллея Керн", решенный в изысканной сине-зеленой гамме, пронизанный поэтическим лунным светом». Сам художник вспоминал: «Я работал над иллюстрациями к "Евгению Онегину", ...любимейшего моего поэта... Работа эта была связана с тем, что летние месяцы в течение чуть ли не четырех лет я провел вблизи Михайловского...» Таким образом, на основании представленных данных можно датировать работу 1950-ми годами.

А. Н. САМОХВАЛОВ НА САВКИНОЙ ГОРКЕ
ФОТО Ф. И. ОБСЯНИКОВА

В собрании музея представлена одна иллюстрация Самохвалова к пушкинскому произведению – «В избушке, распевая дева...» (бумага, акварель, 420х295 мм), датированная 1955 годом. Вверху справа – авторская надпись: «С благодарным чувством к земле Пушкина и людям, ее оберегающим А. Самохвалов». Эта работа была подарена музею лично художником 20 июня 1960 года.

Картина Александра Николаевича Самохвалова «Михайловское. Вид на Сороть» по своим художественным достоинствам представляет несомненную историко-культурную, художественную и музейную ценность. Являясь примером пейзажного жанра 1950-х годов в творчестве мастера, живописная работа дополняет и расширяет иконографию мемориального пушкинского ландшафта.

Произведение служит яркой иллюстрацией к обширным взаимосвязанным темам «Художники в Пушкинском Заповеднике» и «Пушкинская тема в творчестве художников XX века», что является перспективным направлением научного комплектования в свете реализации Концепции развития музея (2015 – 2022 гг.) и создания экспозиционных проектов, связанных с историей музея в XX веке.

Дарья Плотникова,
главный хранитель музейных фондов

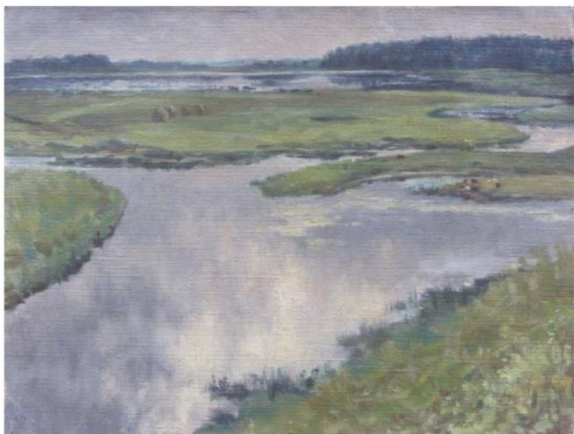
ПРАКТИКА В ЗАПОВЕДНИКЕ

Одной из традиций московской гимназии №1514 уже много лет являются летние профильные практики. Гуманитарная практика – это всегда попытка выстроить диалог учеников с культурным пространством, поиск путей их самоопределения как субъектов культуры, умеющих соединять знания из разных гуманитарных предметов, создавать свой авторский текст, участвовать в творческих проектах... Дух практики – это всегда дух творческой свободы, радости совместных открытий, благодарности пространству, которое нас принимает, интеллектуального пиришества и эмоциональной включенности в мир природы и культуры. Все эти моменты, как кажется, присутствовали и на практике 8-го гуманитарного класса, которая состоялась в 2015 году в Пушкинских Горах. В программу практики вошли усадебные экскурсии, импровизированные театральные постановки, лекции и интерактивные занятия по истории, литературе и культуре с преподавателями гимназии, мини-экскурсии самих гимназистов. Важнейшей составляющей практики является создание авторских текстов. Один из них – это литературный пленэр: оставшись сами с собой на 45 минут на Савкиной горке, гимназисты создавали свой собственный текст, ограниченный лишь темой – «Разговор с местом» (см. с. 6 – 7 настоящего издания).

Путешествие в Пушкинские Горы было ценно тем, что оно не закончилось, вышло за свои пределы: это и воспоминания о Михайловском, к которым можно обращаться как к психологическому ресурсу, и важные смыслы (исторические, литературные, человеческие), которые были открыты и проговорены в пушкинском пространстве, и исследовательские работы, которые вырастают из экскурсий и размышлений на практике. Одним из результатов практики стала исследовательская работа Агаты Гилман «Стихотворение А. С. Кушнера "Посещение" в диалоге с литературной традицией». В октябре Агата выступила с ней на XVII Международной юношеской конференции «Санкт-Петербург. Царское село. Пушкин и мировая культура» и стала ее абсолютным победителем. Далее мы публикуем первую главу этого исследования, посвященную знаменитому пушкинскому стихотворению «...Вновь я посетил...».

А. А. Скулачев,
учитель литературы гимназии №1514 (Москва)

Разговор с местом

А. Н. САМОХВАЛОВ. МИХАЙЛОВСКОЕ. ВИД НА СОРОТЬ. 1950-е

Бывают места, которые кричат о себе. Яркими красками, громкими звуками, шумом. Но это место не из таких. Бесконечно можно слушать тишину, которую разбавляют крики чаек. Изредка откликаются остальные птицы. Местами идеально ровная речная гладь и холод, исходящий от воды; плоские, тягучие, расплывающиеся по всему небу облака. Все было бы слишком плоско и скучно, если бы не постепенно возвышающийся рельеф, кусты, разбросанные бежево-серыми бугорками, разбавляющие бесконечную зелень; петляющая река. Все это создает невероятную гармонию, атмосферу уюта, даже несмотря на холод. Это то место, за которым можно наблюдать бесконечно...

Ксюша Курбанова

Когда я побывала на Савкиной горке, моя душа поговорила с этим местом. Я открылась ему, сидела, любовалась величественными просторами, и место, в свою очередь, открылось мне.

Река, отражающая в себе чистое, голубое небо, невероятное, сказочное пение птиц.

Кажется, здесь все повседневные заботы отходят на второй план, а время останавливается.

Начинается закат, последние яркие лучи солнца охватывают бескрайние леса, реку, густые серые облака, по краям розового цвета...

На первый взгляд, пространство, окружающее меня, гармонично. Но каменные старые кресты, напоминающие о том, что в этом месте погибали, нарушают сложившееся общее ощущение гармонии.

Соня Горелова

Когда место видно как на ладони, оно не оставляет неотвеченных вопросов. Когда осознаешь, что достичь горизонта невозможно и что он где-то там, где заходит солнце, возникает ощущение ясности всего происходящего, глобальности и простоты. Тогда разговор с местом становится сложен или даже бесполезен, потому что во всем слышится, видится и чувствуется его монолог, рассказ. В щебете птиц, ветре в ушах, шелесте травы, лае собак, в зелени луга и яркости заходящего солнца, ряби на воде и пролетающих насекомых, протоптанных тропях и неподвижных облаках. Кажется, не важно, кричишь

ты или молчишь, бегаешь или наблюдаешь, потому что каждому оно ответит приглашением, самым ярким и определенным; кажется, что оно рассказывает не историю прошедших событий, оно рассказывает о «сейчас». И этот монолог не закончится с заходом солнца или темнотой. Он не закончится даже с уходом отсюда, потому что оно пусть и держит и с трудом отпускает, но только открывает глаза на то, что нужно ловить каждый момент жизни, в котором и есть вечность.

Саша Сечко

Уединение, покой, спокойствие и, конечно, безграничное раздолье, уходящее куда-то далеко, где словно могучей, древнерусской стеной виднеются дремучие русские леса. Псковская земля необычная, соединяющая и северные леса, огромные и маленькие озера, и в то же время тот великий простор, которым славится наша страна...

Вечер, уединение и тишина, перебиваемая разве что только криками кружащихся чаек, да стрекотанием какого-нибудь маленького насекомого. Все неподвижно, лишь легкий, но между тем истинно северный ветер колышет густые травы и маленькие кустики...

Закат... Солнце медленно, но верно приближается к пепельно-черному горизонту, появляется легкая дымка, возникает щебетание птиц, скрип карандашного грифеля и эхом отдающиеся голоса людей из ближайшей деревни. Даже обычно серые колоски самых простых сорняков наливаются солнечным золотом.

А сколько всего перенесли эти берега, эта река, эта земля? «Здесь Русью пахнет»... Могилы неизвестных людей, которых ты никогда не видел, которые жили за сотни лет до тебя, но кажется, будто это какие-то твои дальние предки, ты ощущаешь связь их с собой.

Возможно, на этих мирных берегах стояли армии русских недругов, пытавшихся покорить наше отечество. Много перенесла эта земля, но все в прошлом. Никого уже нет, лишь эти просторы, просторы, просторы...

Никита Флегонтов

Недалеко от Михайловского, да-да, того самого, есть холм. Савкино городище. На вершине – деревянная часовня, восстановленная в 1970-е годы, рядом кресты, воткнутые в землю. Мы поднялись встречать закат. Веселье, радость...

На западе от холма стояли полки захватчиков, на востоке – наши полки. В крепости – также дружина. Шла битва. Вечная битва могил, холмов, спавших в земле тел, оружий... А мы радовались, потом распределились по склону, что-то писали. Я спросил, зачем восстановили это место, сказав, что это застывшая древность? Она не застыла. Солнце ведь ходит по небосводу, реки текут... Птицы поют, слышен шум ветра. Но этому месту все равно место только на фотографиях, а не в глазах и умах людей. Это просто могилы. Сражающиеся могилы. Здесь просто умирали люди. Встречались и умирали. Мы не должны были прийти сюда. С этим местом не о чем разговаривать...

Глеб Пинигин

Недаром Псков, Новгород и весь Северо-Запад России считаются родиной русского государства. В них есть нечто особенное, то, что не описывается ни в «Повести временных лет», ни в Ипатьевской летописи. Наверное, это связано с моими ощущениями от природы этого места. Ее уникальностью и одновременно обыденностью. В одном месте я увидел одновременно и поля пшеницы под Черниговым, и красоту средне-русской равнины, и леса Ярославской области. Это место – собрание всего многообразия природы Руси.

Но история тоже играет свою роль в создании образа. Она наполняет пейзаж особым смыслом...

Я расположился на камне у подножия холма. Сам камень чем-то мне напомнил валун, который стоит на перепутье в русских сказках.

Именно это место подсказало мне такую метафору. Я смотрю на заросли высокой травы и вижу там свой след, который я оставил, пробираясь сквозь них.

Так же плыли драккары варягов к берегам Руси и, приплыв, тоже стояли перед выбором; что им сделать, какому из советов камня-путеводителя внять. Какому из его советов последую я?

Филипп Голубев

На другом берегу реки стоят дома. Возможно, люди в них – простые жители русской глубинки. И весь окружающий их пейзаж, вся эта обыденная для них красота сего удивительного места стала в какой-то момент совершенно непримечательной банальностью, повседневным «видом из окошка», как для нас вид на стройку или дорогу, с ее вечным шумом и выхлопными газами...

Для нас все в диковинку и, действительно, где еще увидишь столь совершенное проявление неоспоримого таланта природы. Конечно же, если объездить весь земной шар, можно найти похожее место, но точно такого же нельзя отыскать нигде. Эта высокая трава, не тронутая газонокосилками и колесами автомобилей, эти птицы с высокими голосами и чистейшими, кристаллическими нотами, которые они издают. Эта прозрачная вода, которой не видно ни конца, ни края. Белые цветы на длинных стебельках. Их принято называть сорняками, но без них не было бы законченности в картине, которая предстает перед глазами. Густые леса, закрывающие линию горизонта. Мурашки бегут по коже - и не столько от холода, сколько от восторженности и этого прекрасного чувства, когда всего мира словно не существует. Есть бескрайние луга, река, ты, созерцающий все со стороны и немного сверху. И нельзя сказать, что ты часть этого, ведь, казалось бы, человеком это место не тронут. Однако все же есть маленькие очертания людей вдалеке, отправляющие тебя обратно в реальность. И вдруг ты осознаешь, что так было и сто, и двести лет назад. Неизменность. Люди в домиках на другой стороне реки были правы. Ничего не меняется. Но мне в такие вечные места хочется возвращаться снова и снова.

Полина Кетлерс

...Я слушал звуки природы и пытался написать песню. И солнце говорило со мной, диктовало мне строки. Оно спросило меня, будет ли что-либо иметь значение, когда я умру. Я понимал, что нет, абсолютно нет.

Я чувствовал уходящее тепло солнца и черкал строки песни на оборванном клочке бумаги. Я пытался говорить с природой, и она отвечала мне, потому что я хотел ее услышать. Все деревья шелестели для меня, обнажали свои листья и продолжали наш тайный разговор. Поздние восходы и ранние закаты, прямо как в моих любимых фильмах.

Ваня Мельников

Хорошо сидеть с дорогим тебе человеком. Абсолютно неважно, где и на чем, главное, чтобы он был рядом. Ты забываешь обо всем и чувствуешь себя по-настоящему счастливым. Это непередаваемое ощущение, ты будто преображаешься, находишь в человеке что-то, чтобы себя дополнить, находишь недостающие детали. Чувствуешь себя нужным. Особенно это приятно, если вместе сочетаются и разговоры, и место, и твое фоновое внутреннее состояние, когда ты спокоен, умиротворен. Так и я сейчас сижу с таким человеком, голова друга лежит у меня на плече, он пытается написать какое-то стихотворение, а я смотрю, прислушиваюсь, пытаюсь уловить все то, что происходит вокруг. Шелест высокой травы, всплески воды тихой речушки, полной рыбы, легкая рябь на ее поверхности. И, безусловно, закат, скромный, не блещущий множеством красок, но невероятно притягательный, он словно не картинка, словно книга, заставляющая задуматься. Когда ты им любишься, ты смотришь не на красоту неба, ты смотришь в себя.

Ваня Колтаков

– Здравствуй.

– Здравствуй.

– Три года прошло. А ты совсем не изменилось. Все такое же необъятное и принимающее, не пастозное, а скорее, воздушное. Все такое же волнистое, пушистое. Прямо с головой хочется закрыться внутрь и сделать глубокий вдох. Такой, чтобы этого воздуха еще на три года хватило. И в нем услышать шелест березы, как сейчас на горе, тишину, в которой пение птиц не кажется нарушением.

– Знаешь, ты тоже не изменилась. До сих пор пытаешься выразить словами то, что нельзя выразить.

– Что же мне тогда делать?

– А ты запомни меня глазами или нарисуй.

– Нарисовать не успею, время поджимает. К закату нужно сдать работу...

– Тогда вспоминай обо мне. И кстати, просто посмотри на небо.

– Что там?

– Сама все знаешь.

Аист летит высоко в небе. А еще солнце почти село. Пора возвращаться домой.

Лия Абдрахманова

«...ВНОВЬ Я ПОСЕТИЛ...» А. С. ПУШКИНА: ЭЛЕГИЧЕСКИЙ ХРОНОТОП И ПРОСТРАНСТВО ВОСКРЕШАЮЩЕЙ ПАМЯТИ

В стихотворении А. С. Пушкина «...Вновь я посетил...» (1835) создается новый вид элегии, в котором главенствуют не тоска, уныние и разрушение, а воскресающая, оживляющая сила любви и памяти, кайрос (время «счастливого мгновения»). Это стихотворение написано после «Запустения» Е. А. Боратынского (1832) и является одним из первых элегических стихотворений в русской литературе, посвященных возвращению человека в пространство дома, пространство, любимое им, которое изменилось с течением времени.

В своем стихотворении Пушкин воскрешает тот мир, к которому он когда-то был причастен и который им любим. Памятью и любовью он в своей элегии оживляет «тот уголок земли» (уменьшительно-ласкательный суффикс «-ок» показывает любовь и трепетное отношение, умиление лирического героя по отношению к этому месту), «опальный домик» (такова же художественная функция суффикса «-ик»). Подобно тому, как память и поэзия преодолевают время, читатель и через столетия может услышать шаги Арины Родионовны - няни Пушкина (они слышны и благодаря шипящей аллитерации): «не слышу я шагов ее тяжелых» – или шум тех самых трех сосен: «Я проезжал верхом при свете лунном, / Знакомым шумом шорох их вершин / Меня приветствовал».

В стихотворении «...Вновь я посетил...» Пушкин создает образ светлой жизни, хотя биографический контекст этому, казалось бы, противоречит: 1835 год был тяжелым в жизни поэта. Гнусные слезки, подозрения и подлость начальника III отделения Бенкендорфа, наветы Булгарина – все это стало разрушать мир поэта, вторгаться в самое важное и неприкосновенное для Пушкина - Семью и Дом. Ю. М. Лотман пишет об этом так: «Он вступал в безнадежную и героическую борьбу с окружающим миром, пытаясь его одухотворить, расшевелить, передать ему свою жизненность - и вновь и вновь встречал не горячее рукопожатие, а холодную руку мертвеца». И вот в 1835 году Пушкин едет в Михайловское, «приют спокойствия, трудов и вдохновенья», возвращаясь в пространство Дома, спустя десять лет после ссылки, проведенной им там же...

«Два года незаметных», которые Пушкин провел в северной ссылке, совершенно не кажутся линейным, разрушающим временем. «Холм лесистый» и озёра, тихая жизнь «владений дедовских» – все это приметы, напоминающие нам об идиллическом хронотопе с его циклическим временем, неподвластным разрушению. «Десять лет», минувших с тех пор, наоборот, кажутся «всеистребляющим временем» (Гоголь), которое все искажает, изменяет и разрушает. Но когда Пушкин оказывается в своем родном уголке земли, благодаря чудесному свойству памяти для него здесь снова все оживает и образуется пространство, состоящее одновременно из прошлого и настоящего. Для лирического героя каждая маленькая деталь, сохранившаяся в настоящем, открывает дверь в прошлое, становится частью памяти. Это прослеживается, в частности, в глаголах: «Переменился я – но здесь опять / Минувшее меня объемлет живо, / И, кажется, вечер еще бродил / Я в этих рощах». Для символического соединения времен в одном предложении поэт использует глаголы разного времени и вида: «переменился (сов. в.), объемлет (несов. в.) бродил (несов. в.)». «Вот опальный домик (настоящее время), / Где жил (прошедшее время) я с бедной нянею моей»; «Вот холм лесистый (настоящее время), над которым часто / Я сживал недвижим – и глядел / На озеро, вспоминая с грустью / Иные берега, иные волны (прошедшее время)». Удивительное ощущение соединения времен создается и в строке «Минувшее меня объемлет живо»: минувшее, которого давно нет, может в настоящем времени обнимать.

Стоит остановиться на интертекстуальном плане художественной ткани стихотворения Пушкина. «Иные волны», возможно, являются воспоминанием о южной ссылке (отметим попутно, как в этих словах переплетаются смысловые пространства поэзии, природы и памяти: повтор слова «иные» уподобляется ритму волн и всплывающим в сознании лирического героя воспоминаниям). Строка «плывет рыбак и

тянет за собой убогий невод», похоже, отсылает нас к «Медному всаднику»:

...Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхой невод...

Вернемся к нашему тексту.

На границе

Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят – одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко...

– эти строки подобны былинному или сказочному зачину (инициальным формулам сказки), в котором задается символика пересечения границ между мирами («граница владений», «дорога, изрытая дождями», соединяющая в себе культурное, ухоженное и природное, дикое). Здесь же, вместе с упоминанием «границы владений дедовских» впервые звучит тема связи поколений и общего бытия, связывающего людей в разные времена. А эта связь поколений и является для Пушкина историей, которая так важна была для него в михайловской ссылке.

Хронотоп Михайловского соединяет в себе природу и личную судьбу человека, прошлое, настоящее и – в этом, как кажется, пушкинское открытие – будущее. Кусты, рощи, старые деревья олицетворяют естественный ход времени, смену поколений, уход и смерть, с одной стороны, но и рождение, и жизнь – с другой.

...не я

Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего.

Пушкин выходит за пределы воспоминаний, оказывается способным видеть будущее. В этих строках – способность самоустраниться и печаль, но спокойная и принимающая.

Пространство природы позволяет протянуть нить в будущее:

Но пусть мой внук

Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомнит.

Так Пушкин вспоминает своих дедов и думает о своем внуке; так связь времен окончательно замыкается, «вновь я посетил» (о лирическом герое) в начале перекликается с «возвращаясь» (о его внуке) в конце. У читателя создается ощущение незаконченности стихотворения: не закончен путь лирического героя по Михайловскому, вырвано мгновение из жизни внука. За этой смысловой открытостью финала стоит открытость и читательским ассоциациям. Финал «...Вновь я посетил...» дает возможность вспомнить стихотворение «Памятник», написанное через год. Это место, шорох и сосны – тоже своего рода нерукотворный памятник, который заставит внука помянуть деда...

Агата Гилман
(Москва)

К ИСТОРИИ ОДНОГО ПОРТРЕТА

Этой осенью не стало Анатолия Ивановича Давыдова (14 июля 1936 – 18 сентября 2015), без малого 30 лет отдавшего Пушкинскому Заповеднику. В будущем году ему исполнилось бы 80. А. И. Давыдов окончил Московский историко-архивный институт, затем работал в архивах Ярославля и Чебоксар. С июня 1966 по октябрь 1995 года – научный сотрудник, старший научный сотрудник Пушкинского Заповедника, хранитель Тригорского. Предлагаем вниманию читателей небольшую его статью, относящуюся к началу 1990-х гг.

И. П.

К ИСТОРИИ ОДНОГО ПОРТРЕТА

НЕИЗВЕСТНЫЙ ХУДОЖНИК
ПОРТРЕТ П. Г. БОРЗОВА (1781-1782 - 1812)

В Тригорском, в Доме-музее Осиповых-Вульф, в интерьере кабинета П. А. Осиповой висит большой живописный портрет кисти неизвестного художника, написанный в 1802 – 1806 годах. Он изображает молодого человека анфас в мундире Лейб-гренадерского полка, с аксельбантом, без эполет (они были даны гренадерам позднее) и еще без орденов. Портрет поступил в Пушкинский заповедник в самом начале 1960-х годов по линии В. Д. Бубновой –

потомка Ивана Ивановича и Надежды Гавриловны Вульфов, в составе коллекции, состоящей из четырех портретов с достаточно условным названием «портретов тверских Вульфов». До настоящего времени этот портрет значился как предполагаемый портрет брата Н. Г. Вульф, но даже имени портретируемого не было известно.

Архивные поиски и мемуарные свидетельства позволили с уверенностью подтвердить, что на портрете действительно изображен брат Н. Г. Вульф, урожденной Борзовой, Петр Гаврилович Борзов (1780-е – 1812 год). Надежда Гавриловна Вульф в пушкинское время была хозяйкой с. Берново Тверской губернии, которое посещал во время своих приездов в соседнее имение П. А. Осиповой Малинники А. С. Пушкин. Там он мог видеть портрет П. Г. Борзова.

История сохранила немного о жизни одного из рядовых русских офицеров, чьими подвигами и усилиями Россия устояла перед Наполеоном. В 1802 году подпоручик Борзов получил свой следующий чин – поручика. Именно в мундире поручика Лейб-гренадерского полка он изображен на рассматриваемом портрете. В 1806 году Борзов уже штабс-капитан. К началу Отечественной войны он майор того же Лейб-гренадерского полка и вместе с полком участвует в тяжелых сражениях с французскими войсками при отступлении русской армии под натиском превосходящих сил французов. 7 августа 1812 года П. Г. Борзов сражался отважно, получил смертельное ранение, от которого вскоре и скончался. В «Свидетельстве Военного министерства» сообщается, что «служивший в Лейб-гренадерском полку из дворян Санкт-Петербургской губернии майор Петр Гаврилович Борзов по Высочайшему повелению 20 октября 1812 года исключен того же полка из списков умершим от полученной им в сражении раны».

После его смерти в Псковской губернии осталось несколько его имений, в том числе и в Островском уезде село Дубинкино, впоследствии называвшееся Борзово. Это было родовое вотчинное имение Сумороцких, которые владели им со времен допетровской Руси. Как свидетельствует А. Т. Болотов, у Василия

Степановича Сумороцкого, последнего по мужской линии владельца Дубинкина, сыновей не было. Одна из дочерей, Марья Васильевна, вышла замуж за вдовца Гаврилу Карповичу Борзова, отца Петра Гавриловича, и в качестве приданного за ней пошло имение Дубинкино.

Брак был недолгим. Марья Васильевна умерла в 1800 году. Незадолго до смерти она запрдала за 26 тысяч рублей все доставшиеся ей от отца имения своему мужу Г. К. Борзову. То были в Островском уезде село Дубинкино с деревнями Абрамово, Боровиково, Гунино, Горбатово, Детково-Рудовище и Глазово; в Псковском уезде – Чернятино; в Печерском – Мешнино и в Опочечком – Арапово. По-видимому, купчая на деревни Марьи Васильевны оформлена была Г. К. Борзовым для того, чтобы эти владения жены полностью впоследствии перешли бы в собственность его детям, а ее пасынку и падчерице. У самой Марьи Васильевны детей не было. И после смерти своего холостого брата Петра Гавриловича владелицей псковских имений становится его сестра Н. Г. Вульф, которая тут, в Борзове, Дубинкине тоже, скончалась в 1849 году. Ее похоронили на кладбище близлежащего погоста Елины, существующего и по сей день. А от усадьбы Борзово ничего не осталось, и территория ее входит ныне в современную деревню Елины.

А. И. Давыдов,
хранитель Тригорского

«ТВОЯ ОТ ТВОИХ»

В новелле «Твоя от твоих» С. С. Гейченко пишет о похоронах матери поэта и о его решении быть похороненным рядом с нею. Завершается повествование так: «...Вечером, накануне своего возвращения в Петербург, Пушкин внес в монастырскую казну деньги, закрепив за собой клочок земли на случай смерти. В книге прихода и расхода монастырских сумм за 1836 год игумен Геннадий записал: "Получено от г-на Пушкина за место на кладбище 10 рублей. Сделан г-ном Пушкиным обители вклад – шандал бронзовый с малахитом и икона богородицы - пядичная, в серебряном окладе с жемчугом". Эти вещи Пушкин взял из своего дома. Он знал, что покидает его навсегда».

Упоминание о вкладе поэта основано на архивных документах. В архиве С. С. Гейченко, в папке под названием «Игумен Иона и монахи» есть выписка из документа Государственного архива Псковской области под названием «Реестр учиненный в третьеклассном Святогорском монастыре о прибылых в ризницу церковных вещах, когда от кого и каких вещи поступили и под каким № в опись записаны за 1835 и за 1836 год». Под № 89 записано: «Сего 1836 года поданы от Г-на Пушкина села Михайловского / Два подсвечника столовые двуместные, отливные бронзовые, расчеканены цветным видом, в них пятисталы [!] и тумбы мраморного камня». Под № 90: «Поданы тоже от Г-на Пушкина / Пядичный образ Божия Матери, на нем риза сребренная и венец, чеканной работы, весу в ней 90-то золотников; пробы не известно, убрус в ней убран самым мелким жемчугом и простыми камнями». Видимо, употребление в описании слова «столовые» дало возможность С. С. Гейченко предположить, что эти подсвечники использовались в домашнем обиходе в семье Пушкиных, а не совсем ясное «расчеканены цветным видом» навело на мысль о малахите как одном из материалов.

В февральском номере «Пушкинского уголка» в статье «Подаяние Пушкина» мы уже писали о поступивших недавно в научный архив музея копиях монастырских описей 1828 и 1841 гг. В последней упомянуто довольно много вкладов семьи Пушкиных, и среди прочего подсвечники и икона. На л. 22 читаем: «Два подсвечника двуместные, отливные, бронзовые,

чеканной работы, в них тумбы и пьедесталы белаго мрамора; в одном из них пьедестал несколько поврежден. Поданы Статским Советником Пушкиным», с примечанием карандашом «Есть и не благообразны», на л. 10: «[Во святом олтаре] 68. Пядичной образ Божия Матери на нем венец и риза серебряной чеканной работы, весом 90 золот. с простыми камнями. Убрус узинан мелким жемчугом. Подаяние Пушкина». Отметим, что в описи подсвечники числятся поданными отцом поэта - но в данном случае это едва ли важно: это семейное пожертвование по случаю смерти Надежды Осиповны Пушкиной и, возможно, исполнение ее воли.

Расхождение в описании подсвечников, а главное, загадочное «расчеканены цветным видом» заставили нас внимательно перечитать поступившую в наш архив в 1990-х годах копию «Главной описи церковному имуществу Святогорского Успенского третьеклассного мужского монастыря» 1866 года и книгу «Описание Святогорского монастыря Псковской епархии» игумена Иоанна (Псков, 1899). В последней почти сразу внимание привлекла небольшая глава XVI, которая лишь бегло просматривалась нами ранее: «Древние вещи, бывшая на археологической выставке в Москве в 1889 году»: «Два напестольных подсвечника в виде ваз из мрамора, на винтах, с бронзовой отделкой и букетами бронзовых цветов (с рожками для свечей), стиль "Empire". Сии подсвечники остались в Московском археологическом обществе, а вместо них - в 1890 году - высланы два новых трехсвечника бронзовых». А внимательное изучение описи 1866 года подтвердило, что мраморных подсвечников в монастыре была одна-единственная пара. В главе 7 читаем «3. В Придельной Покровской церкви, в Алтаре на Престоле два подсвечника одинаковые - белаго мрамора, оправлены в виде цветов с ветвями». Вкладчик уже не указан. И поэтому, возможно, при удобном случае в монастыре так легко с ними расстались. Теперь это просто светского вида подсвечники, к тому же не благообразные из-за повреждения пьедестала.

Упоминание этих предметов у игумена Иоанна ценно для нас вдвойне. Во-первых, описание подсвечников более детальное, позволяющее их яснее представить. Во всяком случае, наше предположение о сходстве их с подсвечником в виде мраморной колонны из Тригорского не подтверждается. А во-вторых, их перемещение в Москву, возможно, спасло вещи от безвестной судьбы имущества Святогорского монастыря, которое, в основной части, пропало в первые годы Советской власти.

Выставка 1889 года проходила в залах недавно открытого Исторического музея. Может быть, среди множества музейных предметов коллекции осветительных приборов там и сейчас хранятся подсвечники Пушкиных?

В. М. ЗВОНЦОВ. КАБИНЕТ А. С. ПУШКИНА

P.S. К сожалению, в распоряжении С. С. Гейченко не было монастырской описи 1866 года, да и книгу игумена Иоанна он лишь просмотрел, сделав необходимые для работы над экспозицией Святогорского монастыря-музея выписки. Как знать, обрати он внимание на развернутое описание «ваз из мрамора, на винтах, с бронзовой отделкой и букетами бронзовых цветов (с рожками для свечей)», эти вазы уже давно бы вернулись в михайловский Дом поэта, пополнив собой замечательный ряд мемориальных предметов, полученных Семеном Степановичем из различных музеев, в том числе и ГИМа.

Е. А. Ступина,
ведущий научный сотрудник музейных фондов

«ПОДПИСАЛ ИНСПЕКТОР ПСКОВСКОЙ ВРАЧЕБНОЙ УПРАВЫ В. ВСЕВОЛОДОВ»: ПРАВИЛА ПРЕДОХРАНЕНИЯ ОТ ГРИППА, ПРЕДЛАГАЕМЫЕ В 1827 ГОДУ

Всеволод Иванович Всеволодов известен пушкинистам тем, что его подпись стоит под свидетельством от 19 июля 1826 г., в котором констатировалось, что «коллежский секретарь Александр Сергеев сын Пушкин... действительно имеет на нижних оконечностях, а в особенности на правой голени повсеместное расширение кровезовратных жил... от чего г. коллежский секретарь Пушкин затруднен в движении вообще». В Псковской врачебной управе Всеволодов служил в 1824 - 1831 гг. В фонде Святогорского монастыря Государственного архива Псковской области нам попался еще один документ, подписанный Всеволодовым - пример обычной его работы. Для информирования населения врачебные рекомендации по борьбе с заразными болезнями рассылались Псковской Духовной консисторией по монастырям и соборам. Писарская копия рекомендаций, заверенная секретарем консистории, находится в деле под названием «Наряд указов Псковской Духовной консистории за 1827 год». Приведем этот документ полностью:

«Правила предохранения себя от повальной простудной болезни Influenza la Grippe

1) Всевозможное старание прилагать должно о содержании себя в сухости. Для сего необходимо комнаты ежедневно протапливать; ноги защищать от сырости крепкою обувью; одежду носить не слишком теплую, но крепкую, чтоб не продувало ветром, особенно защищать грудь. Потному не выходить на улицу, и строго запретить ходить босиком; при выходе стараться закрывать чем-либо рот и нос, дабы не вдруг вдыхать свежий воздух.

2) Без нужды не выходить из дома и притом с тощим желудком. Ибо на тощее тело воздушные влияния гораздо действуют сильнее, нежели на сытое.

3) Стараться поддерживать свободное испарение кожи еженедельными парными банями, - после которых не выходить на воздух, доколе совершенно обсохнет тело, не пить вдруг много холодного и проч.

4) В случае появления болезни, как можно, стараться избегать сообщений не только с больными отдельно, но и с домами и даже с селениями, где находятся больные. Поелику повальная простудная болезнь Influenza la Grippe, сверх того, что причину своего существования имеет в воздухе, может быть заразительною и прилипчивою в самых больных.

5) При насморке и кашле делать больным чай из бузиновых и липовых цветов, одевать их теплее, и воспрещать выходить на воздух.

6) При боли в горле, стеснении в груди, и появлении к вечеру лихорадки употреблять наливку бузиновых цветов, грудной чай и летучую мазь, для втирания в шею и грудь.

7) Ежели от сего не будет облегчения, то необходимо объявить медику; Высшее Медицинское начальство сообщило способ лечения, с пользою употребляемый в Перми, по наставлению тамошней Врачебной Управы. Равным образом при умножении больных не оставлять извещать и полицию.

Подписал Инспектор Псковской Врачебной Управы В. Всеволодов. Верно: секретарь И. Виноградов».

Как видим, в пушкинское время для этой болезни еще не было русского названия. Сейчас слово «грипп» прочно вошло в русский язык. Рекомендации просты, но сохраняют свою актуальность по сей день. Кому-то они помогут лучше представить себе быт пушкинской поры, а кому-то окажутся полезны и в медицинском отношении. Будьте здоровы!

Е. С.

«... ВЕСЁЛЫЙ САД, ГДЕ ВМЕСТЕ ФЛОРА И ПОМОНА...»

В течение четырёх лет (2012-2015 гг.) сотрудники службы музейных лесов и парков представляли на суд зрителей свои достижения в цветоводстве, флористике, используя культурные растения – садовые цветы, горшечные и кадочные культуры, дикорастущие травы, кустарники, ветви деревьев. Но не всё, что хотелось бы показать зрителю, было представлено на этих выставках. Возникла мысль – использовать для выставок то, что является частью экспозиций под открытым небом (парков, садов, огородов), но, тем не менее, остается «за кадром» деятельности службы. Ягоды, плоды, овощи, выращенные на усадебном огороде в Михайловском, крестьянском огороде в Бугрове, на огороде за околищей Михайловского, в садах Пушкинского Заповедника, оставались не представленными нами как результаты одного из направления работ в сезоне.

В этом году мы решили показать, что сумели вырастить и назвали эту выставку «...веселый сад, где вместе Флора и Помона...». Названием выставки является цитата из произведения А. С. Пушкина «Послание к Юдину» и выбрано не случайно: Флора – древнеримская богиня цветов, и полевых плодов; Помона – римская богиня древесных плодов и изобилия. Композиции были выполнены из овощей, фруктов, винограда, зеленных культур, украшены сухоцветами и листьями. Представлены и дары леса: грибы, шишки, мхи, дикорастущие поздние ягоды.

Очень интересно были оформлены корзины из яблок, уложенные пирамидками, гирлянды из сухофруктов и ягод – боярышника, барбариса, черноплодной рябины. Центральную пирамиду украшали снопы ржи, льна, гречихи. Там же внимание привлекали банки с консервированными огурцами, помидорами и «Мёд сельца Михайловского». Белые и золотисто-желтые тыквы, полосатые гиганты кабачки, красная свекла – всему нашлось здесь место.

Фантазиям умельцев не было границ. Уложенные секторами вокруг одной из яблонь овощи и яблоки не могли никого оставить равнодушными, всем присутствовавшим на выставке обязательно хотелось сфотографироваться с этой красотой.

Еще одна интересная задумка: панно. Солнце – подсолнух, от него отходили лучи – морковные, перцевые, луковые, свекольные. По всему полю рассыпались букеты из барбариса, черноплодной рябины, шиповника, винограда, «райских яблочек». Еще одно новшество на выставке: букеты роз, выполненные из сухих листьев клена – дополнение к дарам садов и огородов.

В подготовке экспонатов принимали активное участие ведущий специалист отдела парковых территорий Е. В. Белая, ведущий специалист отдела древесно-декоративных культур Л. А. Урядникова, агроном Т. А. Говорухина, начальники участков Е. Г. Дроздова, Н. Н. Бурченкова, Е. А. Михайлов, А. В. Федоров, ведущий специалист службы А. Н. Прокофьев, инженер Л. В. Болдырев, начальник отдела ремонта и реконструкции ландшафтных территорий Н. Е. Потёмкин.

К сожалению, погодные условия этой осени сократили сроки действия выставки – сильные ранние заморозки испортили «экспонаты»: теплолюбивые овощные культуры (перец, лук, томаты, огурцы), а также, яблоки, оказались подмороженными, и пришлось выставку сворачивать раньше планируемого срока.

Тем не менее, для себя мы решили, что подобные выставки проводить надо. Нынешняя выставка вызвала интерес как у коллег, которые приехали на открытие, за что сотрудники службы музейных лесов и парков им очень признательны, так и у посетителей усадьбы Михайловское, которые заходили, смотрели, фотографировали, задавали вопросы.

Г. Н. Пиврик, главный хранитель музейных лесов и парков Пушкинского Заповедника

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЗИМНЮЮ СКАЗКУ

В ТАЛЛИНСКОМ РУССКОМ МУЗЕЕ. ФОТО И. В. АМОСЕНКО

23 - 25 ноября 2015 г. группа сотрудников Пушкинского Заповедника с детьми посетила Эстонию и Швецию. В Таллинне они побродили по Старому городу с его неповторимой средневековой архитектурой и посетили «Таллиннский Русский музей», где директор музея Лариса Викторовна Ушничкова радушно познакомила гостей с его экспозицией. В феврале 2015 г. Пушкинский Заповедник организовывал здесь выставку «Сказочные художники Юрий и Елизавета Васнецовы» и музейно-образовательную программу «Встречаем весну в русской усадьбе!». У нас, в свою очередь, на днях открылась выставка из этого музея «Вдоль по ревальским...». В 2016 г. сотрудничество музеев будет продолжаться.

Следующий город - Стокгольм - для знакомства был выбран неслучайно: делегация из Пушкинского Заповедника регулярно проводит совместно с Союзом русских обществ в Швеции при поддержке Посольства Российской Федерации в Стокгольме «Пушкинские уроки», на которых знакомит соотечественников и юных шведов с русской культурой и литературой.

В 2012 году в Национальном музее Этнографии Стокгольма был организован выставочно-просветительный проект Пушкинского Заповедника «Русские рождественские и новогодние традиции», рассказывающий о том, как в России на протяжении многих столетий отмечали праздники Рождества и Нового года.

Итак, на следующий день путешественников ждала столица Швеции. На «музейном острове» Юргорден они увидели два музея: «Юнибакен» и «Васа».

«Юнибакен» – это настоящий музей сказки, в котором смоделированы места из различных детских произведений шведских писателей, прежде всего Астрид Линдгрэн, а также Эльзы Бесков, Туве Янссон (финская писательница) и ряда

других. В музее юные посетители и их родители попадают в мир книг для детей: здесь можно поиграть в доме Пеппи-Длиннчулок – на вилле «Вверхтормашками», а также встретить и навестить Альфонса Оберга, Муми-тролля, Петсона с его котом Финдусом, и многих других. Ну а сказочный поезд уносит всех в замечательное путешествие по милым, веселым и захватывающим сценам из книг Астрид Линдгрэн.

Музей «Васа» посвящен единственному в мире сохранившемуся парусному кораблю начала XVII века, вокруг которого и было выстроено здание музея. Пройдя вокруг корабля по всем 3 этажам, можно осмотреть его со всех сторон и вздрогнуть при встрече с настоящими скелетами его экипажа. Достоверность картины дополняют древние пушки, восковые фигуры — очевидцы тех событий и многочисленная атрибутика того времени. Посещение этой удивительной экспозиции дает возможность познакомиться не только с самим кораблем и почувствовать себя славным мореплавателем и участником тех событий, но и с бытом, жизнью и обычаями Стокгольма XVII века.

После знакомства с музеями вдоль великолепной набережной Страндвеген, созерцая ряды пришвартованных катеров и яхт, группа продолжила свою прогулку на Стадсхольмен к Королевскому дворцу.

ПРОГУЛКА ПО СТОКГОЛЬМУ. ФОТО Т. П. МАКСИМОВОЙ

День уже подходил к концу, когда наши туристы увидели «пряничные домики» Старого города Стокгольма и, полюбовавшись ими, отправились в обратный путь.

Удивительно, как много удалось увидеть за несколько дней. Замечательные впечатления, чудесные воспоминания, волшебная атмосфера Рождества и предстоящих праздничных дней остались у всех участников поездки.

Т. П. Максимова, ст. научный сотрудник отдела просветительной и педагогической работы

ПУШКИНСКИЙ УГОЛОК

Музейно-информационное издание
Выходит с июня 2012 года

Учредитель: Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское»
Адрес: 181370, Псковская обл., Пушкиногорский р-н, с. Михайловское

Главный редактор Н. Б. Василевич
Редакционная коллегия: Т. С. Новикова, И. Ю. Парчевская, Е. Г. Степанова, П. А. Терещенко, Е. Н. Севастьянова, Л. А. Токарева

Распространяется бесплатно
Служба информации:
тел./факс: (81146) 2-13-73; e-mail: informpg@ellink.ru;
Экскурсионная служба (заказ экскурсий):
тел./факс: (81146) 2-23-21, 2-26-09;
e-mail: burexpg@ellink.ru
Интернет-сайт: www.pushkin.ellink.ru